

С. Н. ВАЛК

В СОСТАВЕ письменных исторических источников эпохи новгородской самостоятельности летописи и акты являются основными их группами. В то время, когда на изучение летописей потрачено немало усилий виднейших историков и историков литературы, изучение актов материала находится еще в зачаточном состоянии. Несомненно, необходимо поставить на очередь изучение и актов материала, без которого невозможно его критическое использование.

Касаясь в настоящее время только одной группы новгородского актов материала, так называемых частных актов, мы должны констатировать, что находимся в весьма благоприятном положении, изучая актовый материал новгородской колонии — Двинской земли, и что гораздо хуже обстоит с материалом частных актов, относящихся к самому Новгороду.

Действительно, состав сохранившегося для Двинской земли материала таков, что мы в состоянии дать целостную историю двинского акта новгородского его периода. Хронологические наблюдения, сделанные уже Шахматовым, относят начало этой истории к концу XIV и началу XV века. Поправки, которые возможно внести в построения Шахматова, относившего хронологический конец печатаемых им актов к 1471 г., позволяют передвинуть этот предел до конца XV века, когда с некоторым опозданием и на Двине московский тип акта вытеснил прежний новгородский тип. Итак, существование частного акта новгородского типа на Двине охватывает собою всего лишь одно столетие. Если конечный момент этой истории — ликвидация новгородского типа — без труда связывается с общими судьбами истории Новгорода, то небезынтересно взглянуть и на особенности двинского акта его новгородской эпохи. Мы заметим тогда, что он обладает чертами, резко отличающимися его от того типа акта, который возник и раз-

¹ Резюме доклада, читанного на объединенном пленуме Ученого Совета Новгородских Государственных музеев и Инст. Феод. Общ. Г. А. И. М. К.

вился на территории удельных княжеств русского средневековья. Его отличает прежде всего материал — пергамен, в то время, когда в Москве и вокруг нее уже с половины XIV в. почти исключительно господствует бумага. Его отличает и общий характер формуляра; акт формулирован почти всегда (за исключением духовных) в третьем лице (напр., се купи... се минишась), в то время, как акты удельного центра писались в первом лице (се яз... купих). Объяснение этим новгородским и двинским особенностям надо искать несомненно в экономических и политических связях Новгородского государства с западным миром, где бумага была прекрасно известна в XV в. (это именно век нашего двинского акта), но тем не менее вплоть до половины XVI в. обычным материалом для акта оставался пергамен; в то же время можно предполагать, что восточные связи Москвы и остальных удельных княжеств явились почвою для раннего внедрения бумаги в деловой оборот великорусского центра. Точно также и малопонятная форма написания актов в третьем лице прекрасно известна в практике Западной Европы, где ее традиции восходят к античной истории акта. Не предпреляя результатов дальнейшего изучения новгородского акта, нельзя не поставить, однако, вопроса о связи этих особенностей со специфическими условиями новгородского развития — связью с западными торговыми городами. Наконец, мы можем ответить на вопрос о том, на какой почве создался в Двинской земле частный акт. Взяв купчие XV в., мы постоянным элементом в них найдем термин, характеризующий продажу земли „одерень“. Уже давно выяснено в исторической литературе, что термин этот — пережиток той эпохи, когда совершение сделки укреплялось не при помощи акта, а известными символическими обрядностями, в которых дерну (у нас и на Западе) было отводимо главное место. Итак, для Двинской земли мы, пользуясь актами, могли установить и тип доактового укрепления сделок, и тот тип двинского акта, который, сохранив пережитки доактового способа и восприняв некоторые черты западного акта, стал при помощи удостоверительных моментов (о них в другом месте) необходимым условием сделки, и гибель, под воздействием Москвы, создавшихся в Новгороде форм акта.

То, что было возможно сделать для колонии Двины, гораздо труднее сделать для метрополии — самого Великого Новгорода.

И небольшое количество частных актов и ряд темных мест летописей и Новгородской судной грамоты заста-

вляют итти осторожно и ошупью. Потому на этот раз в отношении новгородского акта приходится остановиться только на одном моменте его истории, а именно на начальном. На первый взгляд может показаться, что именно ранний период, который не дает ни одного акта для удельных княжеств, особенно богато представлен в Новгороде. Ряд новгородских актов XII века попал на страницы общераспространенных хрестоматий и стал обычным в цитагах наших ученых. Несмотря на эту установившуюся их авторитетность, они нуждаются в существенном разборе.

Прежде всего о купчей и духовной Антония Римлянина. Уже более ста лет тому назад Карамзин высказал некоторые сомнения в подлинности этих актов. Эти предположения высказывались и позднее: то о порче их текста, то о подложности купчей (Энгельман, Ключевский, Тихонравов, Голубинский и др.). Однако, все это не мешает им по сей день фигурировать в качестве актов XII века. Сопоставление ряда документальных данных показывает, что еще в 1560 г. этих актов не было: земля, укрепленная будто бы этими актами за монастырем, была по правой грамоте этого года отдана новгородским посадским, причем дело было решено исключительно обыском. Только в 1573 г. монастырские власти предъявляют Ивану Грозному для подтверждения акты Антония Римлянина в торжественной обстановке. Только с этого года эти акты постоянно фигурируют, и на основании их монастырь решает в свою пользу тяжбу с новгородскими посадскими людьми. Распространено мнение, что монастырь совершил подлог и предъявил Ивану Грозному для подтверждения один акт и именно купчую; при таком предположении духовная оказалась бы спасенной от подозрений. Однако, и текст подтверждения, где акт именуется „духовной“, и позднейшее упоминание об акте, где он назван „купчим ободным духовным списком“, и цитаты, в которых заодно перемешаны тексты духовной и купчей, показывают, что подтверждены были оба акта вместе, как одно целое. Мотивы подлога купчей нетрудно установить, исходя из необходимости для монастыря создать доказательство с целью победы над новгородскими посадскими людьми в споре за землю. Точно также, однако, и для подделки духовной в те же годы появилась настоятельная надобность. Именно, на соборах 1547—1549 гг., когда была произведена канонизация целого ряда святых, Антоний Римлянин не был в их числе. Это и дало толчок для агиографической работы. В 1550 г. находят тот камень, на котором Антоний „приплыл“ из Рима,

в 1573 г. Грозному предъявляют для утверждения духовную Антония, в 1598 г. составляют житие Антония, будто бы написанное с его слов его учеником.

Все это должно было установить то почитание Антония Римлянина, которого он не удостоился в годы макарьевских соборов.

Второй из предполагаемых актов XII века это—напечатанная Амвросием данная посадника Славенского конца Ивана Фомина Лазарю Муромскому, предполагаемому основателю монастыря на Онежском озере. Данная эта включена в состав завещания Лазаря, подделка которого давно уже была доказана Вороновым. Действительно, по связанном с монастырем документам нетрудно установить, что в 1612 г. вообще все монастырские документы погорели, и что, когда в челобитной Алексею Михайловичу были перечислены монастырские документы, эта данная в составе их не фигурировала. В то же время внутри-монастырские распри XVII века были поводом к появлению завещания Лазаря, данная же должна была сыграть свою роль в споре с окружающими монастырь „волостянами“.

Наконец, третий акт XII века это — знаменитая вкладная Варлаама Хутынского. Если первые две группы актов сохранились только в копиях, то вкладная Варлаама имеется в пергаменном оригинале, доказывающем ее несомненную древность. Однако, и относительно этого акта приходится поставить вопрос, к XII ли веку он относится. Дело в том, что ряд иных разнообразных материалов приводит нас к заключению, что в конце XIV и начале XV века начала создаваться вокруг имени Варлаама некоторая легенда, связанная с началом почитания его памяти. В 1410 г. построена первая церковь его имени. Вскоре затем составлено житие Варлаама. Приписываемые Варлааму поручи были в употреблении в Молдаво-Валахии в XIV веке. Наконец, к этому времени относится и прямая подделка, связанная с именем Варлаама—свинцовая печать Варлаама. Переходя, к грамоте, мы должны сказать, что ее палеографические особенности, пергамен и письмо делают вполне возможным ее приурочение к концу XIV и началу XV века. В то же время один ее признак должен быть внимательнейшим образом изучен и может оказаться решающим. А именно, на левом поле вкладной имеется восьмиконечный крест с сохранившейся лишь отчасти надписью. Существование восьмиконечных крестов в Новгороде ранее XIV века в свое время отрицалось И. А. Шляпкиным. Однако, повидимому, некоторые редчайшие исключения все же существуют, если они не представляют

собой позднейших переделок. Дальнейшие наблюдения должны решить дело, и если восьмиконечный крест действительно появляется только с XIV века, то вкладная Варлаама тем самым должна быть признана позднейшим произведением, а не документом XII века.

Итак, первый и отрицательный шаг к истории новгородского акта нами сделан. Полагаем, что нет никаких оснований начинать историю этого акта XII веком. Напомним, что и Русская Правда не только краткой, но и пространной редакции не знает письменного акта. За этим первым шагом должны последовать дальнейшие, и дело будущего дать действительную историю новгородского акта, не только акта Двинской колонии, а самого Господина Великого Новгорода.
